

Известия — 1998 —
11 июля — с. 5

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ:

Все равно любовь важнее, чем «образ жизни»

Писательница Зоя Богуславская — генеральный директор фонда «Триумф — ЛогоВАЗ», учредившего первую в России негосударственную премию в области культуры и искусства «Триумф».

— На первой церемонии награждения я сказала: «Мы учредили нечто вроде Нобелевской премии. Надеюсь, получится, как в случае с Нобелем: сегодня мало кто помнит, что именно он изобрел динамит, зато все знают про премию, носящую его имя. Так и наши потомки, вряд ли заинтересуются марками авто, на которых в России в конце XX века ездили спонсоры «Триумфа», но что такая премия существовала, помнить, несомненно, будут». Откуда моя уверенность? Есть явления искусства, которые выражают сущность человеческого идеала, например, статуя Венеры Милосской.

Есть произведения, которые временем, скорее всего, стираются. Скажем, я считаю шедевром фильм Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин». Удача Германа в том, что он точно схватил характер советского человека 30-х годов, мечтателя, наделенный властью, но сумевший сохранить собственную душу.

Смогут ли зрители лет через пятьдесят понять боль Ивана Лапшина? Затрудняюсь ответить однозначно.

— Разве классика не нуждается в защите?

— Я не против массовой культуры, но чем ее больше, тем выше будут оцениваться антиквариат. Общество возвращается к шуточному, раритетному, нерастиражированному искусству, и в этом нет ничего неожиданного. Сегодня даже в такси любого западного города можно услышать не хард-рок, а Баха и Малера.

— Как вам удалось сохранить свое место «наверху»?

— У меня нет вещей, написанных на злобу дня. Меня интере-

совали вечные категории: жизнь, смерть, кризисные ситуации, человек перед нравственным выбором. Не только в творчестве, но и в жизни не произошло больших перемен, поскольку я никогда не меняла своего окружения. Люди не изменяют тебе, если ты их правильно вычислил. Если не строишь карьеру любой ценой, не ставишь перед собой цель продвигаться во власть, а делаешь то, к чему призван, и стремишься быть с теми, кто духовно тебя питает. Это в сто раз важнее любой материальной выгоды. Из моего искреннего интереса к людям сложился круг близких друзей и, если хотите, образ жизни.

Любопытно, как в последние годы трактуется понятие «образ жизни». В 50-е годы девушка мечтала выйти за «профессию» — лучше за офицера; в 60—70-е — за физика с ученой степенью. В 90-х она выходит замуж за «образ жизни». Брак, по мнению многих, — это жизнь в отдельном доме, поездки за границу, собственный автомобиль и визиты в салон красоты. Иными словами, любовь и профессия большой роли не играют.

И любовь уже как бы не важна. Почему мужчин устраивает столь потребительское к себе отношение?

— Мужчина не только соглашается с этим, он в прямом смысле покупает женщину: ему наплевать, любит она его или нет. Он выбирает ту, которая его устраивает. Устраивает ли такая жизнь жену — это ее проблемы. Берется во внимание лишь удобное, доступное, легкое. А любовь, рассуждают они, приносит морочку и головную боль.

Формируется и еще один муж-

ской тип. Его образ жизни направлен на здоровье и независимость. Он выбирает женщину, которая должна играть в теннис, плавать, бегать с ним по гравийной дорожке и готовить здоровую пищу.

— Из вашей книги «Американки и другие» явствует, что вы неплохо знаете западный феминизм. За что борется западная женщина, культивируя независимость от мужчины? За то, чтобы жить одной?

— Женское движение «Позитивные усилия» в США достигло громадных успехов. Женщины заметно улучшили свое правовое положение в обществе. Однако нынешняя борьба «за полную и окончательную независимость от мужчины» нам, боюсь, вообще непонятна. В каждом жесте мужчины видеть «сексуальное домогательство», строить карьеру и игнорировать личную жизнь, поскольку «я ненавижу зависимость женщины от секса», — такая жизненная программа, безусловно, является крайностью феминизма.

Откровенно говоря, я антифеминистка. Не убеждена, что женщины лучше и способнее мужчины. Просто я за равные возможности во всем.

— Ваш прогноз по поводу судьбы русского феминизма?

— В России нет феминизма, зато есть мужской шовинизм, желание женщину задвинуть. Когда свободу ограничивают, у человека возникает естественное желание вырваться. Сегодня женщин, экспериментирующих в своей жизни, в новых профессиях, немало.

— Характерно, что любимая вами Ирина Хакамеда популярна в элите, но не в народе.

— Увы, не в нашей ментальности уважение к богатству, к людям, добившимся в жизни многого благодаря уму и трудолюбию.

Да, мы умеем выслушивать и сможем помочь в трудную мину-

ту — за это нас любят в мире. Но ежедневно спокойно делать дело, похоже, не наша характерная черта.

Иногда мне кажется, есть в нашей природе что-то порочное, инфантильное...

— В последнее время, мы наблюдаем утрированную заботу о собственных чадах. Когда-то в советские времена чрезмерная опека старших в газетных фельетонах высмеивалась. Теперь папа с мамой должны вести ребеночка до той минуты, пока он начальником не станет.

— Снова наша ментальность. На Западе никакая работа не считается позорной. Это положение приняли и наши соотечественники-эмигранты. Дания Хамдамов, сын известного кинорежиссера и обладателя «Триумфа», — замечательный художник. Живя в Париже, он не считает унижением подработать грузчиком, скажем, на международном авиасалоне. А уж профессиональное образование студентов, чаще всего, оплачивают себе сами. В России же высмеянный Фонвизинным Митрофанушка — тип далеко не вымерший. Я считаю, что поколение, прошедшее через войну и лишения, оберегая детей от житейских невзгод, совершило тем самым тяжелейшую ошибку в своей жизни.

У меня единственный сын, надо ли говорить, как я его люблю и как я боялась за него... Я мучилась, когда его решили испытать из знаменитой 444-й школы. Представьте, отличника, лучшего ученика математической школы, выгоняют за прогулы, в которые, естественно, вовлекался чуть ли не весь класс. Я сказала ему: «Леня, ты знаешь, что ты для меня значишь. Но забудь, что у тебя отец ученый, что у тебя отчим поэт Вознесенский, а я писательница. Я всегда тебя под-

держу, но ходить и просить за тебя никогда не стану. Улаживай свои дела сам». Выручил Володя Высоцкий — он взял гитару и приехал в школу... Через несколько лет Леня блестяще закончил мехмат МГУ и теперь в Институте проблем управления возглавляет компьютерную фирму.

— Вы довольны собой?

— Вознесенский считает, что я никогда не бываю довольна собой. Действительно, трудно найти человека, который до такой степени не любил бы себя и свою внешность.

— Иными словами, у вас заниженная самооценка?

— У меня занижено самоощущение.

Если я увижу, что на дороге кого-то бьют, обязательно остановлю машину и вмешаюсь. Но я же понимаю, что убить случайно свидетеля сегодня могут запросто. Однако эмоциональный порыв забывает всякую осторожность.

Может показаться невероятным, но при моем патриархальном воспитании (единственная дочь интеллигентных родителей — папа профессор, мама врач), я часто попадаю в истории, которые могут случиться только с настырными авантюристами. Чего только со мной не происходило: в меня стрелял болгарский поэт, однажды в течение сорока минут я, раздетая, стояла под ножом наркоманов... Не умея толком играть в рулетку, я выигрываю в казино бешеные деньги.

— В вашем двухтомнике «Зеркало» я обнаружила две пьесы. Какова их судьба?

— Пьесой «Контакт» заинтересовались театры, но пришел дядя из горкома партии и запретил «шлягер во славу Америки». А ведь я писала о добровольцах из «хелп лайн» (нечто вроде телефо-

на доверия). Спустя годы Евгений Симонов подумывал к ней вернуться, но потрясающая исполнительница роли Эли, актриса Светлана Переладова, покончила с собой.

Пьеса «Обещание» — о тотальной необязательности. Причем если раньше тот, кто обещал, хотя бы в момент разговора верил, что поможет, то теперь, глядя прямо в глаза, уже знает точно, что и пальцем не пошевелит. Когда человеческие договоренности и гроша ломаного не стоят, разрушается нравственность. Лилия Толмачева собиралась ставить спектакль на сцене МХАТ, уже распределили роли, но опять партийный дядя запретил репетиции из-за монолога, звучавшего в финале: «Мысль — это моя единственная свобода, и в ней никто не властен», — говорит герой.

— Есть проблема, которая вас особенно волнует, и вы хотели бы о ней написать?

— Обычно то, что меня волнует, не становится литературой. Наверное, это большой недостаток. Исповедальность, расклады, даваемая на разные характеры, — это качества какого-то другого писателя. Я не препарирую собственную душу.

— Из одной только истории о наркоманах ваши коллеги слепили бы занятый триллер. Вы упорно игнорируете, по сути, готовый сюжет из собственной жизни. Почему?

— Почему женщины не становятся великими писателями? Потому, что их мышлению не хватает жесткости и отстраненности. Как великий актер, который сам не плачет, но мимикой и интонацией заставляет зал сопереживать, так и мастерство писателя — в степени его собранности и спокойствия. Нужная доза эмоций — и рождается искусство.

Наталья СЕЛИВАНОВА.